

© 2011 г. С.А. Дианов

УДК 908

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО АППАРАТА СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ НА УРАЛЕ В 1920-Е ГГ.

Устойчивый интерес к изучению феномена советской цензуры на профессиональном уровне наблюдается с начала 1990-х гг. В наше время уже «классикой» становятся первые труды А.В. Блюма, Д.Л. Бабиченко, Т.М. Горяевой [1]. В 2000-е гг. стал активно изучаться региональный аспект проблемы. В диссертационных исследованиях А.В. Сурова, Н.Н. Клепикова и А.М. Подлужной были раскрыты основные принципы строительства, механизмы и направления деятельности аппаратов местных органов Главлита РСФСР на территории Архангельской, Ярославской, Курской и Пензенской областей [2]. Последней крупной работой стало исследование питерского историка Ф.К. Ярмолича. В работе нашли освещение вопросы формирования кадровой структуры органов цензуры на северо-западе СССР [3]. Публикаций, посвященных непосредственно истории советской цензурной политике на Урале, сравнительно не много. В первую очередь следует отметить статьи А. Бакановой, Г.И. Степановой, Е.Н. Ефремовой [4]. В указанных публикациях прослеживается попытка анализа сохранившейся источниковой базы по истории органов уральской цензуры. В основном изучению подверглась часть документов, показывающих масштабы деятельности органов цензуры. Вместе с тем, остается еще достаточное количество вопросов, требующих пристального внимания исследователя. В частности совсем ничего не известно о кадровом составе органов цензуры на Урале. В рамках настоящей публикации освещаются процессы формирования кадрового состава органов цензуры на Урале в 1920-е гг.

Начало организационного строительства местных органов Главлита на Урале пришлось на осень 1922 г. Первый гублит был учрежден в Челябинской губернии 1 ноября 1922 г. Вслед за ним появились и другие губерн-

ские управления по делам литературы и издательств: Тюменский гублит – 20 ноября 1922 г., Пермский гублит – 1 декабря 1922 г., Екатеринбургский гублит – 30 декабря 1922 г. Центром политической цензуры на Урале стало Уральское областное управление по делам печати и зрелищ, учрежденное 15 декабря 1922 г. В аппарате Уралобллита на 1 января 1923 г. числилось 4 сотрудника: его заведующий А.Д. Ослоновский, политредактор, секретарь и машинистка. Причем только три работника получали денежное содержание из бюджета Екатеринбургского губернского отдела народного образования [5, л. 16]. Предполагалось, что штаты гублитов будут состоять из трех человек: губернского цензора, инспектора и секретаря. Однако на практике в гублитах работало только двое: губернский цензор и секретарь. «Инспекторов для поручений нет, но практика работы настоятельно выдвигает их иметь», – отмечал А.Д. Ослоновский в отчетном докладе о деятельности Уралобллита за январь 1923 г. [5, л. 16]. В феврале 1923 г. Уралобллит направил в гублиты «Положение о губернских отделениях по делам литературы и издательства». В разделе «Содержание гублитов», в частности, отмечалось, что «материальное и денежное содержание Гублитов производится губОНО по особым кредитам, открываемым Наркомпросом» [6, л. 6]. Однако на практике денежные средства выделялись в самом минимальном объеме и не покрывали сметы расходов на содержание гублитов. Так, тюменский губернский цензор В.А. Чуканцев-Муромцев в отчетном докладе в Уралобллит за первую половину января 1923 г. подчеркивал, что заработная плата выплачивалась только секретарю гублита, сам же он получал денежное вознаграждение от работы по совместительству «в должности заместителя заведующего Губполитпросветом». В следующем докладе В.А. Чуканцев-Муромцев вновь обращал внимание Уралобллита на кризисное финансовое состояние гублита. «Средств на хозяйственные и организационные расходы не отпущено ни Наркомпросом, ни губОНО и ни местным Губисполкомом, – писал губернский цензор. – Деньги нужны хотя бы в минимальном количестве...» [6, л. 12].

Финансирование же самого аппарата Уралобллита оставляло желать лучшего. Приведем выдержку из отчетного доклада А.Д. Ослоновского в Главлит за январь 1923 г.: «На содержание Обллита за январь месяц переведено по три денежных единицы на сумму 26 р. 50 коп. Спрашивается, какой аппарат можно содержать на 26 рублей и отсюда брать средства на хозяйственно-

оперативные расходы по управленческому аппарату и гублитомам области? Гублиты Уральской области бесперебойно телеграфируют, если не будут переведены кредиты на содержание и хозяйственные расходы, то они закроются» [5, л. 18об.]. Материальные трудности существенно тормозили процесс форсированного создания аппаратов губернской цензуры. Следствием этого, в частности, стала ликвидация Екатеринбургского гублитома. С апреля 1923 г. его функции были переданы аппарату Уралобллитом. В уездах губерний Урала выделялись работники низового аппарата цензуры – улики. В январе 1923 г. полномочия по уездной цензуре были возложены на заведующих уездными отделами народного образования. Деятельность улик регламентировалась специально разработанным Уралобллитом документом – «Инструкцией уездным цензорам» [7, л. 3].

А.В. Блюм в своих трудах утверждает, что требования, предъявляемые к кандидатам на должность цензора Главлитома, с самого начала отличались необычайной строгостью. Как минимум кандидат должен был иметь безупречное классовое происхождение – преимущественно пролетарское и состоять членом партии большевиков. Правда, оговаривается А.В. Блюм, низовое звено цензоров рекрутировалось из недавних крестьян, прошедших «обкатку» в городской среде [8, с. 50]. Сложно не согласиться с данными суждениями. Следует, однако, иметь в виду, что обозначенные правила могли не работать в провинции. Так, например, в Тюменской губернии зимой 1923 г. более половины заведующих уездных отделов народного образования являлись беспартийными. Следовательно, некоторые из них могли исполнять полномочия улики, иметь допуск к секретной корреспонденции. В отчетном докладе в Уралобллит от 1 апреля 1923 г. тюменский губцензор, в частности, отмечал: «Как работает аппарат уездной цензуры, Гублитом сведений до сего времени не получено..., а насчет отдельных цензоров в уездах определенно Гублит ничего не может сказать, обязательно надо съездить в уезды, посмотреть и убедиться в надобности таковых» [6, д. 547, л. 30]. В Пермской губернии весной 1923 г. в городах Лысьве и Мотовилихе цензурой печатных изданий занимались беспартийные служащие гороно [5, л. 2об.].

Сосредоточим внимание на содержании анкет уездных цензоров, поступивших в Уралобллит. Средний возраст цензоров составлял 30 лет. Самому младшему, курганскому цензору Андрею Захаровичу Неупокоеву, было всего

22 года [9, л. 5]. Свое социальное положение большинство цензоров определяли как выходцы «из крестьян»; национальный состав был преимущественно русским. Все без исключения цензоры имели образовательный минимум. Так А.Г. Арыкин (Ирбит), А.З. Неупокоев (Курган), Д.Л. Головачев (Троицк), М.С. Иванов (Екатеринбург) в своих анкетах, в частности, отмечали «хорошее» знание русского языка. Некоторые из них трудились в редакционных коллегиях местных периодических изданий. По словам Д. Л. Головачева, он, на момент назначения его на должность цензора, активно занимался «пропагандистско-лекторской» работой. М.С. Иванов замещал должность лектора в городской школе политграмоты. Партийный стаж работников улитов колебался в пределах 3-5 лет. В период Гражданской войны практически все они служили в частях Красной армии, некоторые побывали в плену у белогвардейцев. До поступления на работу в уездные ОНО будущие цензоры занимали различные должности в советских учреждениях: помощники военкомов, уполномоченных ВЧК-ГПУ, члены президиумов исполкомов Советов. Стаж работы в отделах народного образования на 1 января 1923 г. составлял от 1 месяца до полутора лет. А.Г. Арыкин был утвержден в должности заведующего Ирбитским УОНО в начале декабря 1922 г., в то время как Д.Л. Головачев трудился на этом посту в Троицке с середины 1921 г. [9, л. 2].

Система гублитов-улитов просуществовала на территории Урала до конца осени 1923 г. Следует заметить, что связь гублитов с улитами все это время продолжала оставаться слабой. Только в июне 1923 г. Уралобллит удалось получить сведения о работе улитов Екатеринбургской губернии – Красноуфимского, Шадринского, Верхотурского и Камышловского уездов. В городах Пермской губернии (Мотовилихе, Лысьве и др.) полномочия по цензуре были возложены на местные партийные органы, в результате чего ни губцензор, ни Уралобллит не могли получить от последних какой-либо информации. «Относительно работы Челябинского и Тюменского гублитов надо сказать, что она протекает чрезвычайно слабо... до сих пор Обллит не может добиться отчета по печати, не говоря уже о постановках», – писал А.Д. Ослоновский в письме в Главлит. Сам заведующий Уралобллитом видел главную причину слабости контактов между цензурными органами в несовершенстве механизма движения секретной информации из «волостей в уезды, из уездов в губернии, из губернии в область». Гублит как посредник между улитом и

Уралобллитом явно не справлялся с возложенными на него задачами. «Отсылка из губерний в Областной Центр чрезвычайно запаздывает, – отмечал А.Д. Ослоновский. – Если просмотреть все отчеты Обллита, то можно констатировать, что они страдают отсутствием цифрового материала и это только по вышеназванной причине» [5, л. 3]. Таким образом, деятельность аппаратов гублитов была признана неэффективной. В Екатеринбургской губернии, Уралобллит, получив напрямую выход на улины, мог оперативно «подгонять» цензоров, направлять их работу в нужное русло. В то же время в Пермской, Челябинской и Тюменской губерниях приходилось первоначально иметь дело с губцензорами, а уже через них опосредованно и с улинами. За короткий период своего существования гублиты сыграли своеобразную роль «шлагбаума» между уездной цензурой и Уралобллитом.

В середине осени 1923 г. на Урале начался процесс нового административного районирования. Формировалась новая административно-территориальная единица – Уральская область с центром в г. Екатеринбурге, уездное деление упразднялось, создавались округа. Изменилась и структура цензурных органов. 29 октября 1923 г. Уралобллит в циркуляре № 529 впервые объявил о ликвидации гублитов и уездной цензуры. 8 декабря 1923 г. был издан секретный циркуляр № 609/с, содержащий принципы организационного строительства обновленной системы органов цензуры на местах [10, л. 43]. В документе говорилось, что с 1 декабря 1923 г. исполнение цензурских обязанностей будет возложено на заведующих окружных отделов народного образования – окрлитов. В крупных же городах, таких как Пермь, Тюмень и Челябинск, учреждалась должность уполномоченного Уралобллита – уполобллит. В срок до 1 января 1924 г. указанные работники были обязаны принять все дела и архив секретной переписки у уже бывших губернских и уездных цензоров.

Всего на территории Уральской области было сформировано 16 окрлитов. Между окрлитом и Уралобллитом теперь не существовало промежуточных инстанций. Прямая связь между центром и периферией преследовала цель повысить эффективность работы органов политической цензуры. Кроме того, одной из задач реорганизации являлось перестройка кадрового аппарата цензурного ведомства, его обновление. Между тем, повсеместно происходило так называемая в обиходе «смена вывесок». Так, А.З. Неупокоев сохранил свое место в Кургане, А.Г. Арыкин до марта 1924 г. исполнял обязанности

окрлита в Ирбите, после чего получил назначение в окружном ВКП(б). Кстати, Уралобллит продолжал возглавлять А.Д. Ослоновский. Подходы к кадровому составу, в сущности, не изменились. Кадры для цензуры продолжали набираться из работников окроно, являвшихся членами ВКП(б). Циркуляром от 3 января 1924 г. Уралобллит разрешил завокроно передавать полномочия по цензуре своим заместителям – завокрополитпросветами. При этом завокроно не отстранялся полностью от цензурной работы, за ним закреплялась функция надзора за деятельностью уполобллитов и окрополитпросветов.

В 1924 г. в округах Уральской области полным ходом шел процесс районирования. В образующихся районах учреждались ответственные за цензуру работники – уполномоченные окрлита. 11 марта 1924 г. Уралобллит издал циркуляр, в котором комплектование «райлитов» объявлялось внутренним делом окроно. «Уралобллит... лишь предлагает установить в районах и заштатных городах дело цензуры так, что бы все данные нам инструкции по цензуре проводились неуклонно в жизнь», – говорилось в документе [10, л. 76]. Лишь два года спустя деятельность райлитов будет нормативно регламентирована.

20 июля 1926 г. Уралобллит издал инструкцию «О деятельности Уралобллита и его местных органов». Без преувеличения данный документ можно считать первым нормативным актом, в котором были четко разграничены компетенции органов советской цензуры на Урале. Так полномочия райлитов были определены в следующем объеме:

«а) Просмотр всех материалов предполагаемых к печати в целях недопущения сведений, перечисленных в особых перечнях Облита.

в) Выдача разрешений на право публичного исполнения и демонстрирования (устройство спектаклей, кино-сеансов и проч.) репертуара имеющегося в числе разрешенных по спискам.

г) Учет зрелищных предприятий и направление в Окрлит заявления об открытии новых зрелищных предприятий.

д) Прием и направление в Окрлит заявлений на право печатания учебников, книг, брошюр и др. крупных неперIODических изданий.

е) Наблюдение за осуществлением издательскими органами печати и типографиями, установленных Облитом правил» [11, л. 43].

Кадровый учет уполномоченных окрлитов осуществлялся как со стороны Уралобллиты, так и органов ОГПУ. Так 30 августа 1926 г. в курганское окроно под грифом «Совершенно секретно» поступило циркулярное письмо начальника курганского окружного отдела ОГПУ М. Корюкова с предписанием предоставить сведения на «работников Окрлита всего округа». Ответ курганского окрлита не заставил себя долго ждать. Обратимся к его содержанию. Непосредственно в окрлите работало два человека – заведующий окрлитом, он же завокроно Е.С. Шибанов, и его заместитель – заведующий окрполитпросветом М.Я. Ощейко. В районах на должности уполномоченного окрлита трудилось 15 человек. Все без исключения райлиты по основному месту работы являлись политпросветорганизаторами. Средний возраст цензоров составлял 26 лет. Из них 31% были представителями рабочего класса, 56% – крестьян и 13% – служащих. Членами ВКП(б) числились 12 чел., кандидатами в члены ВКП(б) – 3, один уполномоченный Марайского района А.И. Гуляев был комсомольцем. 50% уполномоченных освоили курс советской партшколы II ступени, 20% освоили курс советской партшколы I ступени, остальные прошли курсы обучения в школах политграмоты. Обратим также внимание, что только двое из них имели стаж цензурной работы более 1 года.

Похожая картина обнаруживается и в других окрлитах. Так, например, в аппарате ирбитского окрлита на 1 февраля 1927 г. значилось 12 райуполномоченных, являвшихся служащими политпросвета. Из них 11 были членами партии и 1 – комсомольцем. 33% цензоров закончили советскую партшколу I ступени, 17% – партшколу II ступени, остальные имели образование в рамках курса сельской школы. Трое уполномоченных работали цензорами более одного года [7, д. 7, л. 6]. В аппарате Шадринского окрлита на 16 марта 1927 г. состояли 15 райуполномоченных, из числа которых все, кроме одного, работали в должности райполитпросвета. Уполномоченный окрлита в Дамаровском районе В.З. Кораблев по основной должности являлся заведующим «райкомхозом». Членами ВКП(б) являлось 10 чел., кандидатами в члены ВКП(б) – 3. Уполномоченные по Пышминскому району Ф.С. Хвостов и Четкаринскому району М.П. Хохряков были беспартийными. Причем стаж работы в советских учреждениях у первого составлял всего 2 года, у второго – 9 лет. Отметим также, что только двое цензоров работали на своем месте около 1 года, чуть более 1 месяца трудились 5 человек [12, л. 1].

27 ноября 1926 г. вышло распоряжение Уралобллита, в котором содержалось требование к окрлитам представить в виде доклада-таблицы сведения о райлитах. Судя по ее разделам, Уралобллит интересовал в первую очередь стаж партийной и советской работы районного цензора. «В дальнейшем предлагается регулярно освещать в очередных докладах работы райуполномоченных и сообщить об изменениях в составе районных работников», – писал в циркуляре начальник Уралобллита М.Р. Ланге [12, л. 5].

Рост численности низового аппарата цензуры сопровождался высокой текучестью кадров. Эта проблема вызывала у руководства Главлита серьезную озабоченность. Еще в 1925 г. начальник Главлита П.И. Лебедев-Полянский выступал категорически против назначения на должности окружных и районных цензоров работников политпросвета. С мнением начальства соглашались на местах. Так, специальная комиссия Уралобллита, проведя в мае 1927 г. процедуру обследования аппарата кунгурского окроно, в составленном по ее результатам «Акте» пришла к выводу, что заведующий отделом политпросвета Д.Е. Васильев не справлялся с возложенной на него нагрузкой. «Имеет место слишком чрезмерная нагрузка, для примера возьмем: зав. п/просветом, он же зам. зав. Окроно, зав. ГорОНО, Зав. Окрлитом, не считая уже постоянных комиссий, где является членом. Все это в общей сложности отнимает у него 2/3 времени, рассчитанного для прямой работы», – говорилось в документе [13, л. 35]. Действительно совмещать работу по цензуре и деятельность в сфере политпросвета было делом нелегким. И большинство как окрлитов, так и их уполномоченных в районах не справлялись в полной мере с обязанностями цензора печати и зрелищ.

Вместе с тем в конце 1920-х гг. на местах ничего кардинально не менялось. В том же Кунгурском округе обязанности окрлита исполнял 24-х летний А.Ф. Плоскирев, старший инспектор политпросвета при окроно. В его анкете значилось, что «работу по Литу» он проводил по совместительству. Полномочия по цензуре он принял от своего предшественника 6 марта 1929 г. Его партийный стаж исчислялся полутора годами, а образование – 4 группы школы II ступени. Однако уже летом 1929 г. А.Ф. Плоскирев получил назначение на аналогичную должность в Свердловское окроно, а в 1930 г. был направлен на работу заведующим культпропотделом в Невьянский район [14, л. 5]. Подобные переброски отнюдь не способствовали укреплению аппарата цензуры на

местах. В аппарате Шадринского окрлита на должностях райлитов в конце 1920-х гг. также продолжали трудиться работники политпросветов.

Таким образом, в 1922-1929 гг. в уральском регионе шли процессы формирования кадрового аппарата института политической цензуры. Его численный состав в 1922-1924 гг. был сравнительно небольшим. Будем иметь в виду, что это были люди с незапятнанной революционной репутацией, быстро сделавшие карьеру в советских властных учреждениях. Материальные трудности, отсутствие финансирования деятельности первых цензурных органов вызывало «ужимание» их численности до предела. На рубеже 1923-1924 гг. уральские цензурные органы были реорганизованы. Результатом реорганизации стало упразднение прежней структуры (гублитов и уликов) и появление новых организационных форм – окрлитов и райлитов. Численность работников цензуры в 1925-1929 гг. выросла в несколько раз. Этому способствовало, в частности, расширение объектов цензурного контроля (радиовещание, выставки). Кадры цензурного ведомства рекрутировались из аппарата местных отделов народного образования. Районные политпросветорганизаторы и заведующие окроно представляли собою кадровый костяк политической цензуры. В это же время появляется еще одна категория работников цензуры – политредакторы периодических изданий.

В 1920-е гг. отсутствовала система повышения квалификации цензоров. Уралобллитом не были разработаны квалификационные характеристики, которыми должен был соответствовать каждый цензор. Образовательный уровень уральских цензоров был невысоким, никто из них не имел высшего образования. Вместе с тем, у нас нет оснований утверждать, что цензоры были безграмотными специалистами. Большинство из них успешно осваивало курсы советских партийных школ, многие имели опыт педагогической работы. Следует также иметь в виду, что за свою работу улики, окрлиты и райлиты не получали материального вознаграждения. Заработной платы за труд цензора не существовало, а объем работы с каждым годом все возрастал. Более того, каких-либо ассоциаций и организаций для работников цензурного ведомства в этот период времени не было создано. Фактически уральский цензор работал в изоляции, на свой страх и риск. Местные партийные комитеты ВКП(б) практически не оказывали поддержки органам цензуры, не вникали в их проблемы. Поэтому труд цензора воспринимался работниками системы

образования, скорее всего как навязанная обуза, нежели востребованное государством и партией особо важное дело.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блюм А.В. *За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917-1929.* СПб., 1994; «Литературный фронт». *История политической цензуры. 1932-1946 гг.: сб. документов.* М., 1994; Горяева Т.М. *Исключить всякие упоминания о цензуре...: Очерки истории советской цензуры.* Минск, 1995.
2. Суров А.В. *Цензурная политика Советского государства в 1917-нач. 1930-х гг.: дис. канд. ист. наук.* Ярославль, 2002; Клепиков Н.Н. *Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР – СССР в 1920-1930-е гг.: дис. канд. ист. наук.* Архангельск, 2005; Подлужная А.М. *Политическая цензура в Пензенском регионе в 1920-1930-е гг.: дисс. канд. ист. наук.* Пенза, 2007.
3. Ярмолич Ф.К. *Цензура на Северо-Западе СССР. 1922–1964 гг.: дисс. канд. ист. наук.* СПб., 2010.
4. Баканова А. Из истории цензуры на Урале (обзор источников) // *Цензура в России.* Екатеринбург, 1996. С. 53-60; Степанова Г.И. Деятельность органов цензуры в документах Центра документации общественных организаций Свердловской области (1918-1991 гг.) // *Цензура в России.* Екатеринбург, 1996. С. 30-34.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2.
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 533.
7. ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-Зоб.
8. Блюм А.В. *Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929-1953.* СПб., 2000.

9. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 203.
10. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64.
11. ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 47.
12. ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп.1. Д. 805.
13. МУ «Кунгурский городской архив». Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 18.
14. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 20. Д. 3152.

*Пермский государственный
педагогический университет*

30 сентября 2011 г.
